АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Серия «Из истории мировой культуры»

А. М. ЛЕСКОВ

КУРГАНЫ: НАХОДКИ, ПРОБЛЕМЫ

Ленинград
«НАУКА»
Ленинградское отделение
1981

За четыре года раскопок на Керченском полуострове мы исследовали 47 курганов эпохи меди—бронзы, где обнаружено 111 кеми-обинских погребений. И лишь четыре погребения могут быть условно отнесены к ямной культуре только на том основании, что в них нет ярко выраженных — кеми-обинских признаков. Вместе с тем ни в одной из этих четырех могил не найдено ни одного ямного сосуда. Учитывая такое количественное соотношение на Керченском полуострове кеми-обинских и ямных погребений, которые, судя по материалам крымских предгорий, в целом справедливо считаются одновременными, напрашивается вывод, что в конце III—начале II тыс. до н. э. территория Керченского полуострова была занята кеми-обинскими племенами, а носители ямной культуры, если и просачивались в чужую этническую среду, то в очень небольшом количестве. Отсюда первый принципиальный вывод, следующий из массовых раскопок на Керченском полуострове, — этот район должен быть исключен из территории распространения ямной культуры.

Вместе с тем нельзя не вспомнить уже давно отмеченное большое сходство в погребальных сооружениях и обряде, а также в керамике в кеми-обинских и одновременных памятниках Северного и Северо-Западного Кавказа, где в это время жили племена майкопской и дольменной культур [37, с. 10—11; 40, с. 140—146]. Открытие и исследование кеми-обинских памятников на Керченском полуострове, служившим мостом, соединяющим Северо-Западный Кавказ с основной частью Крымского полуострова, убедило нас в том, что нельзя кеми-обинские памятники рассматривать как отдельную крымскую культуру. Речь может идти лишь о том, что эти памятники составляют территориальный вариант единой культуры, охватывающей огромную приморскую область от Абхазии на Востоке до Крымских гор на Западе [43, с. 101—102].

Далее, опыт изучения кеми-обинских погребений на Керченском полуострове заставляет с осторожностью отнестись к безынвентарным погребениям Крымских предгорий, совершенных в простых ямах, которые все исследователи по традиции относили к ямной культуре. Сделать это тем более необходимо, что, судя по данным разведок и раскопок А. А. Щепинского, в предгорном и горном Крыму, а также на его южном берегу известны стоянки только Кеми-обинской культуры. Все эти стоянки открытые, ни-

чем и никак не защищенные. Зная подвижность и многочисленность ямных племен, их постоянное стремление к расширению своих пастбищ, трудно, если вообще возможно, представить себе мирное сосуществование двух разнокультурных массивов, особенно при условии, что основным занятием и ямных и кеми-обинских племен было скотоводство, хотя скорее всего, у кеми-обинцев оно было не кочевым или полукочевым, а отгонным, с использованием пастбищ в горах и в узких речных долинах. В этой естественной ограниченности пастбищ кеми-обинцев, явно не привычных для ямных племен, освоивших огромные просторы Каспийско-Черноморских степей, и кроется, по-видимому, ответ на вопрос о характере взаимоотношений между интересующими нас народами — возвышенные районы Крыма просто не представляли экономического интереса для ямных племен. А раз так, то нет основания погребения предгорий даже без ярко выраженных кеми-обинских признаков считать ямными, хотя и не исключена возможность проникновения отдельных групп носителей ямной культуры в предгорья.* В целом же предгорные и горные районы Крыма, подобно Керченскому полуострову, следует изъять из ямного ареала.

Теперь, когда читатель достаточно хорошо знаком с памятниками Крыма, необходимо обратиться к раскопкам на юге Херсонской и Николаевской областей. Здесь в последнее десятилетие также открыта серия интереснейших курганов с каменными сооружениями, в том числе с каменными ящиками.

В 1972 г. наша экспедиция раскопала огромный девятиметровый курган у с. Староселье на Херсонщине. Среди двух десятков погребений, исследованных в этом кургане, два оказались в каменных ящиках, у которых стенки украшены геометрическим орнаментом, выполненным красной краской. Один из них составлен из шести крупных плит, причем поперечные плиты заключены между продольными. Все четыре стенки орнаментированы одинаково.

---

* Впрочем, раскопки в степном Крыму показали, что кеми-обинцы проникали и сюда, а позднее, уже во II тыс. до н. э., когда катакомбные племена сменяют ямные, группа кеми-обинских памятников появляется в Северо-Западном Крыму, в районе Евпатории [89, с. 16].

Вертикальные прямые, опущенные от верхнего края стенок до их основания, делят всю плоскость на зоны, заштрихованные параллельными, идущими наклонно прямыми. При этом в каждой соседней зоне штриховка идет с наклоном в разные стороны.

Второй ящик (рис. 4) составлен из десяти плит. Его продольные стенки, каждая из которых состоит из трех плит, упираются в поперечные, составленные из двух плит каждая. Орнаментирована лишь верхняя треть плоскости каждой из плит, причем орнаментальные зоны отделены от остальной части плит горизонтальной линией. Лишь на одной плите от горизонтальной линии свисают отрезки прямых, служащих продолжением украшающих плиту зигзагообразных линий. Вообще зигзаг наиболее распространенный элемент в орнаментации стен этого ящика. Кроме того, встречаются вписанные один в другие углы, опущенные вершинами вниз и сочетание вертикально или наклонно идущих коротких прямых с точечной орнаментацией. И хотя набор орнаментальных мотивов невелик, каждая из плит украшена по-своему и красочно.

Каменные ящики с орнаментированными стенками встречены также на Ингульце, на границе Херсонской и Николаевской областей [21, с. 252], а в последние годы благодаря исследованиям украинских археологов Г. Т. Ковпаненко и особенно О. Г. Шапошниковой выяснилось, что они широко распространены в Николаевской области. Таким образом, новые раскопки на Юге Украины показали, что в степях Днепро-Бугского междуречья курганы, содержащие погребенья в каменных ящиках, стенки которых нередко бывают орнаментированы, встречаются отнюдь не реже, чем в Крыму.

В этой связи особенно важен вопрос о времени распространения этих памятников в степях Причерноморья, об их хронологическом соотношении с позднеямными памятниками. Несколько таких курганов было исследовано нами в 1968 г., во время раскопок у с. Любимовки под Каховкой. В одном из курганов (№ 19) основное погребение, предшествовавшее нескольким ямным, было совершено в каменном ящике, разграбленном еще в древности. В основном погребении кургана № 7, перекрытом каменной плитой, оказался сосуд, имеющий ближайшие аналогии среди керамики майкопской культуры, рас-

пространенной на Северном Кавказе, а во впускной могиле был найден типично ямный остродонный сосуд.

Наибольший интерес представлял самый крупный, пятиметровый курган № 14. Оказалось, что его земляная насыпь имела высоту около 2 м, а вся остальная часть насыпи, расположенная ниже, состояла из дикарного камня разной величины. Этот каменный курган диаметром 25 м был обнесен оградой из крупных каменных плит, поставленных на ребро.

Картина была впечатляющей, тем более что в это время мы уже знали о глубокой древности этого кургана, ибо еще в земляной шапке обнаружили детское погребение с позднеямным сосудом яйцевидной формы. Основное погребение было совершено в каменном ящике. На верхней плите ящика оказались обломки подлощенного сосуда, очень напоминающего кеми-обинскую посуду, хорошо известную нам по раскопкам на Керченском полуострове.

Все только что описанные курганы и находки в них позволяют не только вспомнить справедливость давно высказанных в литературе мнений о большом влиянии кавказских культур на причерноморские степи, но и дают возможность по-новому осмыслить полученные материалы. Речь должна вестись не о влияниях кавказских культур на культуру населения степей Причерноморья, а о том, что во второй половине III тыс. до н. э. в степях, непосредственно примыкающих к Черному морю, происходит тот же процесс, что и на Керченском полуострове, в предгорном и горном Крыму. Племена дольменной культуры Северо-Западного Кавказа с территории современной Абхазии движутся на северо-восток по берегу Черного моря, а также по берегам рек Лабы и Белой на Кубань,* а далее, по-видимому, одни племена шли через Тамань и Керченский пролив в Крым, а другие — вдоль восточного берега Азовского моря на Дон и далее в Причерноморские степи.

Вероятнее всего подобное движение не было процессом единовременным и могло быть осуществлено постепенно, не в одно столетие. При этом племена дольменной культуры тесно соприкасались с племенами майкопской

---

* Такой путь строителей дольменов наметил еще в начале нашего столетия Е. Д. Фелицын, известный исследователь кавказских дольменов.

культуры, жившими, в частности, на Кубани и на Таманском полуострове. Не исключено также, что и сами майкопские племена, теснимые носителями дольменной культуры, приходят в движение. Во всяком случае влияние майкопской культуры на ямную отмечается всеми исследователями.

Задача дальнейших раскопок — проследить, как далеко на запад и в какое именно время в сравнении с хронологией ямной культуры проникают кавказские племена. Заметим, что если вновь полученные материалы из курганов Причерноморских степей и Крыма соответствуют предложенной нами сложной картине исторического развития этих районов, то тогда становится ясным, почему в Приазовье, в Приморском районе нижнеднепровского варианта ямной культуры (по Мерперту), в Крыму, в более западных районах, прилегающих к Черному морю, широко распространены лишь позднейшие ямные памятники, хотя в некоторых из названных районов отдельные проникновения носителей ямной культуры в более раннее время (например, в Приазовье) не исключены. И все же в целом их освоение ямными племенами происходит позднее, чем более северных и северо-восточных районов (имеется в виду Никопольщина и Северный Донец), не говоря уже о междуречье Дона и Урала. Итак, мы считаем, что в третьей четверти III тыс. до н. э., когда на основной территории Каспийско-Причерноморских степей живут племена ямной культуры (второй этап по Мерперту), узкую полосу Черноморского побережья и Крым занимают племена кавказского происхождения. Их материальная и духовная культура сформировалась на базе дольменной и майкопской археологических культур в результате их многовекового соседства и длительного процесса инфильтрации в Северное Причерноморье, где они контактировали с кочевыми ямными и оседлыми трипольскими племенами.

Вывод о том, что позднейшим ямным племенам в интересующих нас районах предшествовали памятники кавказского происхождения, важен не только для понимания сложной этнической и культурно-исторической обстановки в III тыс. до н. э., но и для решения одной из животрепещущих проблем первобытного искусства. Речь идет о происхождении так называемых антропоморфных стел. Это крупные отесанные каменные плиты, схематически

обработанные в виде человеческих фигур, где обычно выделяли лишь плечи и голову. Наиболее совершенные стелы отличаются обработкой лицевой стороны — наносятся глаза, нос, рот, шея, руки, еще реже на стелах встречаются переданные рельефом или гравировкой посохи, топоры, пояса. До недавнего времени в Причерноморье было известно лишь около двух десятков таких стел — не была даже ясна их датировка. Но вот раскопки на Нижнем Днепре и в Приазовье [68, с. 7], где были обнаружены ямные погребения, перекрытые антропоморфными стелами, казалось, окончательно решили вопрос об их культурной принадлежности и датировке. Стало ясно, что первые попытки запечатлеть образ человека в монументальном искусстве в степях Причерноморья относятся ко времени ямной культуры, т. е. не позже конца III или самого начала II тыс. до н. э.

И вдруг в кеми-обинских могилах все чаще появляются антропоморфные стелы, причем среди них подлинный шедевр — тщательно отесанная полутораметровая диоритовая стела. Хорошо выраженная голова со схематично переданным лицом, рельефом выделенные руки, согнутые на груди, пояс и ниже его — пара геральдически расположенных человеческих фигур — такова стела из Казанков под Бахчисараем.* А. А. Щепинский, значительно пополнивший коллекцию крымских антропоморфных изваяний, разделил их на две группы. Тщательно обработанные он считает кеми-обинскими, а более грубые связывает с ямной культурой.

Наши раскопки на Керченском полуострове, т. е. на территории бесспорно кеми-обинской, откуда происходит семь антропоморфных стел, выяснили, что наряду с совершенной стелой типа Казанков стелы, менее тщательно сделанные (рис. 5), и просто примитивы также связаны с памятниками кеми-обинского типа. Поэтому попытку Щепинского разделить стелы по качеству обработки, приписав их разным культурам, нельзя признать удачной.

По-видимому, окончательное решение вопроса о происхождении антропоморфных стел еще впереди, тем более что массовые раскопки курганов в Причерноморских

---

* В 1965 г. под Бахчисараем нашли еще одну стелу, аналогичную Казанковской, на ее обратной стороне нанесены рисунки животных.

степях в последние годы дали много новых находок. И все же мы позволим себе высказать несколько предварительных соображений по этому вопросу.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что антропоморфные стелы неизвестны восточнее Дона, т. е. в районах древнейших ямных памятников. Да и в Причерноморье они ни разу не встречены в памятниках первого или второго этапов. Это значит, что все стелы, связанные с ямными курганами Причерноморья, датируются концом III—самым началом II тыс. до н. э. Уже эти факты показывают, что антропоморфные стелы не являются неотъемлемым компанентом ямной культуры, а получают распространение лишь на позднем этапе в западной, Причерноморской части ее огромного ареала.

При решении вопроса, у кого позаимствовали позднеямные племена причерноморских степей антропоморфные стелы, следует учесть, что в настоящее время известно около 80 таких изваяний, из них около 20 найдены в Крыму а еще не менее 50 стел обнаружено в последние годы (раскопки В. Г. Петренко, О. Г. Шапошниковой, Г. Т. Ковпаненко, Н. М. Шмаглия и А. М. Лескова) на юге Херсонской, Николаевской и Одесской областей, т. е. в районах, непосредственно прилегающих к Черному морю. Эта тенденция прослеживается и за пределами СССР, где несколько аналогичных стел известно в Румынии и Болгарии. Значительно реже стелы встречаются в более северных районах степи, но и тогда места их находок связаны с берегами Днепра или других рек, текущих в Черное море и всегда служивших важными путями для передвижения древних народов. В поисках ответа на вопрос о происхождении антропоморфных стел нельзя не заметить, что на территории Крыма, Херсонщины, Николаевщины они тесно связаны с мегалитами:* каменными оградами, так называемыми кромлехами, каменными ящиками, разновидностью дольменов — менгирами (рис. 6). Однако связывать происхождение антропоморфных стел с памятниками северо-кавказского происхождения, предшествующими в степях Причерноморья позднеямным, также нет достаточных оснований. Прежде всего антропоморфные стелы совсем не известны на Северо-Западном Кавказе, на коренной территории распространения дольменной

* «Мегас» — большой, «литос» — камень.

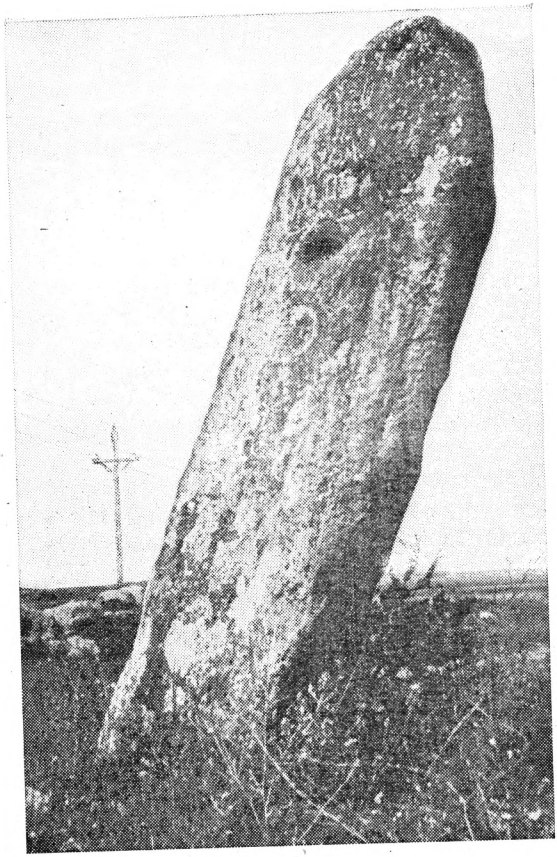

Рис. 6. Менгир. Крым. Керченский полуостров.

культуры. До недавних раскопок большого кургана в Нальчике [80] мы не знали их в памятниках Майкопской культуры. Кроме того, необходимо учитывать, что стелы, судя по их вытянутым пропорциям, часто заостренным основаниям, точно так же как более поздние скифские изваяния или половецкие статуи, создавались их творцами для установки на курганах. Между тем подавляющее большинство стел или перекрывали могилы наряду с простыми (нередко даже без следов обработки) плитами, или использовались среди камней и плит, составлявших ограду кургана, т. е. находились под землей. Не помогают разо-

браться в этом вопросе и те немногочисленные стелы, которые были найдены в результате современной распашки курганов, тоже когда-то находившиеся под насыпями. Создается впечатление, что во всех точно засвидетельствованных археологами случаях находок стел они использовались уже вторично.

Особенно ярко вторичное использование стел проявилось в Нальчинском кургане — там две антропоморфные стелы наряду с простыми плитами служили как части стен каменного ящика, причем врыты они были головами вниз, а еще четыре стелы были найдены среди плит перекрытия [81, с. 13 и сл.]. Получается, что художественный смысл этих монументальных скульптур был в равной мере чужд и позднеямным племенам и их кавказским предшественникам. Тогда, возможно, стелы принадлежали какому-то еще более древнему народу, населявшему Причерноморские степи и Северный Кавказ? Но уровень наших знаний сегодня таков, что можно смело утверждать: в III тыс. до н. э. (время появления древнейших курганов) в интересующих нас районах не было никакого другого населения, кроме носителей уже известных нам археологических культур. Значит, все-таки проблема древнейшего монументального искусства зарыта в прямом смысле слова в курганах юга СССР. Вновь обратимся к самим стелам, подумаем, кого они изображают.

Археологи Запада, глубоко изучавшие во многом близкие причерноморским стелы юга Франции, кстати самым тесным образом связанные с мегалитами, считают, что на стелах изображены боги. Однако советский ученый А. А. Формозов обратил внимание на то, что каждая из стел индивидуальна и по набору вещей, изображенных на ней [75, с. 97 и сл.; 76, с. 186 и сл.], и в передаче черт лица и рук. Вместе с тем Формозов подметил, что на наиболее совершенных стелах изображаются пояса, посохи, булавы, т. е. предметы, обозначающие атрибуты власти *, и на этом основании предположил, что эти памятники устанавливались на могилах вождей или старейшин. Эта мысль представляется верной. Учитывая сложные, часто враждебные отношения между разными племенами, вряд ли можно сомневаться, что снятие и уничтожение

* На одной из найденных нами стел во время раскопок на Керченском полуострове изображены посох и топор.

памятника, поставленного на кургане, где погребен какой-нибудь старейшина или вождь враждебного племени, или использование этого памятника в качестве строительного материала, т. е. осквернение его (вспомним нальчикские стелы, вкопанные головой в землю), было распространенной формой мести. Точно так же разграбление и тем самым осквернение чужих могил было распространено, в частности, у скифов.

Трактуя антропоморфные стелы как памятники вождям, мы тем самым находим объяснение вторичному их использованию, причем временный разрыв между изготовлением и установлением стелы на кургане и ее низвержением для вторичного использования практически не существовал. Таким образом, мы приходим к выводу, что создателями антропоморфных стел — древнейших памятников, запечатлевших человека в монументальном искусстве, были предшественники позднеямных племен в прибрежных районах Черного моря, где они обитали во второй половине III тыс. до н. э., а в Крыму их памятники известны и в первой половине II тыс. до н. э.

Выше мы вспоминали об антропоморфных изваяниях юга Франции. На их удивительное сходство с причерноморскими той же эпохи неоднократно обращали внимание исследователи. Однако все попытки как-то связать стелы Франции и Причерноморья ни к чему не привели: огромное расстояние, разделяющее их, при том, что на территории Западной и Центральной Европы нет ни одного памятника, как-то связывающего эти два разных мира, лишают исследователей возможности объяснять появление антропоморфных стел у племен, живших в одной части Европы, влиянием населения другой.

По-видимому, дело здесь не в прямых связях или влияниях. Огромный прогресс человечества в связи с переходом к скотоводству и земледелию от рыболовства и охоты во многом изменил мировоззрение древних. Не случайно, что именно с переходом от присваивающей экономики к производящему хозяйству, когда в руках немногих людей скапливаются богатства, а большинство попадает в зависимость от родо-племенной верхушки, возникает идея прославления «сильных мира сего». Так, в Египте появляются пирамиды, в Средиземноморье и на Кавказе — мегалитические постройки, грандиозные менгиры (столбообразные камни) и дольмены, составленные из массивных